

А. М. Сосновская

ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ ДИСКУРСА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

68

Статья посвящена конструированию городской идентичности в рамках существующего негетерогенного, конфликтного дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга. Из текстов СМИ и полевых исследований реконструированы дискурсивные практики акторов семи дискурсов внутри дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга, рассмотрены девять составляющих диспозитивов каждого дискурса.

Систематизированы нарративные и другие дискурсивные стратегии с точки зрения их роли в пересборке системы (сети). При том что каждый актор преследует свою цель и решает несколько задач, общая конфигурация состояния системы определяет характеристику осуществленной пересборки.

Артикуляция интересов, целей и ценностей акторов ведет к более ясному распределению в теоретической перспективе, аутентичной идентификации и осознанному выбору практик и политик при конструировании городской идентичности.

The article is devoted to the urban identity construction within the existing, inhomogeneous, conflicting discourse of the cultural heritage of St. Petersburg. The discursive practices of the actors of 7 discourses within the main discourse of the cultural heritage of St. Petersburg are reconstructed from the media and field studies; 9 dispositive variables of each discourse are considered.

Narrative and other discursive strategies are systematized according to their role in the reassembly of the system (network). While each actor pursues their own goal and solves several problems, the overall configuration of the system determines the characteristics of the reassembly carried out.

The articulation of interests, goals and values of actors leads to a clearer distribution in a theoretical perspective, authentic identification and a conscious choice of practices and policies in the construction of urban identity.

Ключевые слова: дискурс, диспозитивы, СМИ, дискурсивные стратегии, пересборка, идентичность

Keywords: discourse, dispositives, media, discursive strategies, reassembly, identity

Введение

В современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, которое связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных ос-

нований принадлежности к сообществам, прежде всего политическому, а также дифференциации своей группы «нас» и ее дискурсивных практик по отношению к «другим» как на дискурсивном уровне репрезентаций нации, страны, государства, региона, территории, так и на уровне конкретных социальных взаимодействий.

Согласно редактору энциклопедии идентичности И.С. Семененко и автору главы в ней «Конструирование идентичности: политические практики и технологии», «под политикой идентичности... понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему» [13, с. 648]. В этом контексте так динамически понятой принадлежности мы рассматриваем дискурсы групповых солидарностей по отношению к культурному наследию Санкт-Петербурга и выявляем ценности групп как основу конструирования городской идентичности.

Согласно И. С. Семененко, «государство — ключевой актор политики идентичности: оно использует институты социализации (в нашем случае систему образования, сферу культуры, СМИ. — А. С.) и инструменты публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия» [13, с. 649]. Таким образом, режимы солидарности проявляются в процедурах социализации новых акторов и легитимации новых режимов агентности¹, при этом сохраняя критическую дистанцию по отношению к повестке и ходу этих процедур.

Для наших исследовательских целей реконструкции коммуникации и диспозитивов дискурсов было бы недостаточно провести только анализ культурной политики, — необходимо исследовать перформативные аспекты коммуникации, чтобы артикулировать конфликт, различные интересы и основания идентификации различных акторов, выявить стратегии группообразования, дискурсивные маркеры антагонизма и агонизма [33].

В качестве примера перформативности исследователи приводят ситуацию, когда говорящий, выполняя какой-либо перформативный акт (например, приказывая или упрашивая), позиционирует свои отношения с адресатом как иерархические [8; 23; 24], что приводит к напряженности, явному или скрытому конфликту. Согласно Ю. Хабермасу, перформативный текст... является в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации, репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности [25].

¹ Способность актора к действию, способность выступать в качестве самостоятельного актора / агента и делать осознанный и свободный выбор.

Идея перформативности как эффективности саморепрезентации развивается в диссертации Ю. Б. Грязновой [9], которая выделяет характеристики перформативного текста, некоторые из которых релевантны нашему анализу:

1. Текст «представляет собой способ саморепрезентации в коммуникации, обеспечивая существование индивидуальности в коммуникации». Таким образом, текст-высказывание выстраивает границы, возможность диалога, обсуждение и принятие различных точек зрения;

2. Текст «обладает проективной и организационной функциями». В нашем случае реконструкции дискурсов может быть раскрыта тройная проекция: актер спроецировал свой контент в процессе самопрезентации в ситуации коммуникации, журналист, в свою очередь, спроецировал свое понимание акторов и их действий, проинтерпретировал, фреймировал или закодировал согласно профессиональным конвенциям медиа-текста [30], и наконец, сама ситуация структурно определила окончательное восприятие контента и его семантико-прагматический потенциал, когда «средство есть сообщение» и оно транслирует порядки и конвенции социума помимо передачи контента [16]. Далее мы посредством дополнительных проекций, основанных на знании научного поля, реконструировали структурную интенциональность журналистского текста и мировоззренческие основы принятия акторами решений, в том числе речевых. Рецепттивная картина событийности, по Т. ван Дейку, «не будет полностью совпадать с моделью этого события, имеющейся у журналиста, или той моделью, которую он хотел бы создать у читателя» [10, с. 152].

Представленная проективная трехсторонняя модель трансформации смыслов и практик может быть концептуализирована в акторно-сетевой теории как взаимодействие «актор-сеть», где акторы-посредники модифицируют и конструируют социальное. «Актор-сеть очерчивается всегда, когда в ходе исследования принимают решение заменить акторов любого размера локальными и взаимосвязанными местами, вместо того чтобы делить их на “микро” и “макро”. Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается внутрь этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно наружу из их тесных стен. Вот почему приписанная через дефис “сеть” фигурирует здесь не как тайное присутствие Контекста, а как то, что соединяет акторов» [14, с. 235]. Таким образом, прагматическая установка исследования не противоречит рассмотрению того, как принятие решений определено границами интерпретации внутри действующей модели практик.

Организационные функции текста — это не только мобилизация смыслов и поведения, это также фреймирование высказывания, поскольку текст подразумевает аудиторию (согласно концепции диалогизма М. М. Бахтина), журналистский текст имеет интенцию и целе-

ориентирован, а также организован с помощью жанров и выбора лингвистических средств [3; 11]. Подразумевая другого и предполагая иную или неоформленную дискурсивную позицию, текст может быть нацелен на укрепление разделяемой позиции («мы вместе»), на трансформацию смыслов методом убеждения, дискуссий, споров и компромиссов, на принятие различий, бескомпромиссных позиций и точек зрения, на ситуацию (смысл концепции «агонизм»).

3. Текст «оценивается не на истинность, а на аутентичность репрезентации», то есть текст должен восприниматься согласованно и не противоречиво всему комплексу диспозитива.

Для исследования дискурсов и их диспозитивов нам подходит определение проф. А.В. Маркова: «Гегемонистский код, по Грамши и Холлу, имеет параллелью “диспозитив”, по Фуко, определенное расположение знаков, высказываний, способов говорить о вещах, которое и обеспечивает связку знания и власти» [18, с. 151].

Мы рассматриваем идентичность перформативно как действие в рамках дискурсов, как осознанное желание занять позицию в дискурсе, чтобы присвоить себе полученную в результате дискуссий идентичность, а не просто быть «окликнутым»² доминирующим актором, вариантом интерпретации события.

Дискурс культурного наследия дифференцирован, несмотря на общие ценности многих подгрупп. Вслед за Б. Латуром, который доказал, что групп нет, а есть группообразование, мы рассматриваем группообразование посредством постоянно воспроизводящихся в СМИ дискурсов [14, с. 34–45].

Доминирующий дискурс, дискурс государства, правительства, подкрепленный законами и указами РФ о сохранении исторического облика объекта всемирного наследия, также регламентируется документами ЮНЕСКО и международными договоренностями, что включает еще одного игрока и его дискурс, который мы не рассматриваем в контексте конструирования локальной, городской идентичности.

Субъектами идентификации с историческим наследием являются группы интересов, акторы, включая само наследие, говорящее посредством экспертов и служителей исторических объектов. Они объединяются на мировоззренческих ценностных основаниях. Динамика дискуссий поддерживается присущими группам антагонизмом, негациями³,

² Властным средством идеологии, по Л. Альтюссеру, является интерпелляция, оклик, которая может реализовываться посредством прямого призыва субъекта, а также посредством молчания, — так могут осуществляться не только действия социального включения, но и исключения.

³ Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф выстраивается вокруг следующих основных понятий: артикуляция, антагонизм, субъект, гегемония. Артикуляция есть формирование структурированных дискурсов. Артикуляция связывает их элементы, но этот процесс принципиально не завершен. Дискурс стремится к фиксации, однако поскольку значения всегда сохраняют некую текучесть, четкая фиксация дискурса как «сущности» невозможна, более того, возникает тенденция к рассеиванию значений, а значит, к подрыву дискурсивных практик и социальных систем. Понятие антагонизма является ключевым элементом

определенным уровнем агрессивности и удовлетворенности от чувства принадлежности и реализации миссии. Их идентичность конструируется как оппозиция на основе утверждения культурных различий.

Сначала мы реконструируем дискурсивные практики акторов из СМИ, чтобы выделить подгруппы интересов в общем, негомогенном дискурсе о наследии; далее мы рассмотрим составляющие диспозитивов дискурсов, а также представим лингвистические маркеры символических стратегий.

Обзор литературы и методы

72

Многочисленные исследования всемирного культурного наследия современных авторов международного научного сообщества иллюстрируют конфликтное столкновение дискурсов в практике локально-глобального планирования при работе с объектами всемирного наследия.

Политическое измерение уже произведенных действий в рамках этого планирования проявляется как основание использования определенного языка, символических форм выражения значений, «артикуляции и агрегация интересов» субъектов (акторов) политического процесса [1].

Мы предприняли обзор статей наукометрических баз Web of Science и Scopus по ключевым словам, связанным с наследием, городской идентичностью, дискурсивным анализом за 2018–2022 гг., чтобы обозначить области изучения культурного наследия в мировом научном дискурсе, а также чтобы экстраполировать релевантные темы и методы в рамках нашего диссертационного исследования «Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга».

Для объекта всемирного наследия ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области («Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников») актуальны все представленные в самых цитируемых научных статьях проблемы: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, отсутствие последовательного плана управления, необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, конфликт между управлением наследием и городским развитием, проблемы экологии и окружающей среды.

Статьи, расположенные во втором по количеству статей кластере наукометрической визуализации, связаны с политической повесткой. В них представлены дискуссии включения объектов памяти в список объектов всемирного наследия, проекты, которые вызывают межнаци-

теории. Антагонизм означает постоянную негативность и отсутствие позитивности участников антагонизма. Антагонизм понимается как постоянное отрицание другого дискурса и определение себя негативным образом. Антагонизм влечет за собой невозможность окончательного оформления общества. Индивид понимается здесь как в лакановской традиции, субъект — не человек, а позиция в дискурсе, занимая позицию, индивид становится субъектом.

ональные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия.

Наш дискурсивный анализ сфокусирован на дискурсе исторического центра Санкт-Петербурга, конфликте между политикой городского развития и сохранением наследия.

Из нашего шестилетнего проекта по популяризации культурного наследия объекта всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» реконструированы семь дискурсов, на основании которых строится городская идентичность участвующих в дискуссиях петербуржцев, конструируется медиадискурс. «В рамках городского проекта по популяризации объекта всемирного наследия студенты РАНХиГС совместно с КГИОП в течение 2016–2018 гг. (проект продолжается до 2022 г. — А. С.) изучали нематериальное наследие города, собирая истории, наблюдения, интервьюируя горожан, работая методом включенного наблюдения на выбранных объектах исследования. Некоторые работы информационно сопровождались в СМИ Академии, а работа по восприятию научного Петербурга осмыслялась с социологической точки зрения» [21, с. 90].

Доминирующим дискурсом является сохранение наследия. Нормативный дискурс / доминирующий актор активно использует в реализации политики идентичности символическую политику (П. Бурдые, О. Малинова), политику языка (Т. ван Дейк, И. Ветренко), политику памяти (Н. Ломагин, С. Яров), политику репрезентаций (С. Холл, А. Бергер) [5–7; 10; 15; 17; 28; 29; 31].

У этой идеологии символической насыщенности репрезентаций Петербурга сильные исторические корни в значимых для каждого петербуржца событиях, которые выступают основой индивидуальной идентичности, причастности и принадлежности. А. Шёнле в историческом исследовании «Руины Ленинграда времен блокады и эстетика борьбы за выживание» [26] показывает, что разрушенное культурное наследие и его спасение были для многих смыслом выживания внутри блокадного кольца, мотивацией защиты города для армии. В исследовании также показано, как велась идеологическая работа с целью усиленной апелляции к ощущению незащитности культурного наследия. До войны сильную идентичность и политику сохранности наследия поддерживал так называемый петербургский текст, феномен осмысления каждого уголка города писателями, поэтами и художниками [20]. Сегодня в дискуссиях о сохранении наследия мы также встречаем такие аргументы, как репрезентация на картинах, экспликация в исторических документах, трансляция историй и свидетельств.

Изучение дискурсов основывалось на мониторинге СМИ доступными программами мониторинга и анализа текстов онлайн. В данной статье показаны результаты мониторинга статей в течение 3 месяцев 2022 г. С 1 января 2022 г. по 24 марта 2022 г. было обнаружено 2472 сообщения в СМИ, связанных с культурным наследием Санкт-Петербурга. Было проанализировано около 300 статей. За это время не наблюда-

ется сильной динамики рассматриваемых переменных: акторы, действия, объекты, факты и документы, авторы-журналисты, блогосфера демонстрируют идентичные тенденции.

Также был проведен анализ текстов полевых исследований (текстов студентов, фокус-групп, визуальных репрезентаций, проектов).

В основе методологии изучения лежат подходы дискурсивного анализа М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муффа, оптика акторно-сетевой теории Б. Латура и Дж. Ло.

Реконструированные дискурсы

74

В результате исследования было выделено семь дискурсов. Имея в виду характеристики фоновых практик, по М. Фуко, мы выписали лингвистические маркеры и реконструировали фоновые практики для дискурсов, где это было возможно. «Набор дискурсивных практик, конституирующий фон определенного дискурса, который порождает знание, задает четыре основные характеристики этого дискурса: 1) какой тип феноменов может стать объектом данного дискурса; 2) кто может занять позицию говорящего субъекта; 3) какие виды понятий могут быть приемлемы в этом дискурсе; 4) какие теории возможно помыслить и сформулировать в данном дискурсе» [22, с. 125].

Первый дискурс — сохранения наследия: против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками. Представителем доминирующего дискурса является Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников (КГИОП). В материалах СМИ доминирование данного дискурса помимо аффилиации к государству и правительству выражается посредством слов и языковых конструкций, идеологических стилистических маркеров.

На текущей неделе КГИОП принято решение в отношении 81 задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (sanktpeterburg.bezformata.com).

На Кондратьевском проспекте могут построить торговый центр (kanoner.com).

На Кондратьевском проспекте могут построить «объект бытового обслуживания», то есть торговый центр. Он расположится на месте нынешнего сквера. <...> В центре участка существует участок-анклав, на котором до декабря стоял дореволюционный дом под номером 30. Он был снесен по заказу комитета имущественных отношений как аварийный, подрядчиком выступало ООО «Капстрой-СПб». КГИОП **требует** восстановить внешний облик здания (kanoner.com).

В данном дискурсе можно обнаружить присутствие феномена «петербургский текст». Эксперты дискурса часто в качестве аргументов обращаются к историческим документам, где изображен объект сохранения, к смыслам и значениям объекта.

У нас в городе исторические здания, построенные до 1917 г., в принципе защищены законом, их нельзя просто так снести, даже если это не Винный городок, а что-то более скромное, — объясняет заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) Александр Кононов. — А что касается Винного городка, то для данной территории это одно из старейших зданий. Оно отражено в произведениях живописи и графики (mr-7.ru).

Базовым понятием является «код города», а ценностью — преемственность плану изначальной застройки и верность традициям сохранения наследия [19].

Второй дискурс — городского развития — направлен на развитие районов, чтобы они приносили пользу жителям, убедительно демонстрировали экономические преимущества жизни в районах. Когда застройщики работают не с историческим центром, СМИ о них пишут нейтрально и даже позитивно.

Защитница непарадного Петербурга: почему, по мнению Маргариты Штиглиц, промзоны Северной столицы — это территории больших возможностей для преобразований (stroyprice.ru).

На площадке петербургского омбудсмена продолжится поиск компромиссного решения судьбы памятников археологии Охтинского мыса (ombudsmanspb.ru).

Антагонизм представителей 1-го и 2-го дискурсов был определен попытками бизнеса вписаться в исторический центр и перестроить / снести здания для своего удобства в коммерческих целях. В СМИ такие предприниматели часто представлены анонимно, или как вандалы, или как неидентифицируемое зло. Также СМИ обвиняют чиновников в содействии покушениям на исторические здания. Превращению старинных зданий в коммерческую недвижимость способствуют неоднозначные и неполные трактовки в законодательных документах.

На Васильевском острове сносят «Винный городок» (mr-7.ru).

Станцию Морской Авиации снесли без разрешения градостроительного совета и КГИОП (78.ru).

Вандалы уничтожили лицо русалки на доме на Садовой улице в Петербурге (www.spb.kp.ru).

18 марта рабочая группа по выработке концепции сохранения исторического центра рассмотрела проект «правового регулирования отнесения объектов капитального строительства к объектам, имеющим особое значение для социального, экономического или культурного развития Санкт-Петербурга». По действующему закону «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон» отклоняться от норм (по высоте, плотности застройки и другим параметрам) можно не более чем на

10 %. Это не распространяется на постройки, чей проект признан особо значимым в социальном, экономическом или культурном плане. Так как критериев для определения «значимости» объекта в законе не было и важным для города мог быть признан любой объект, это давало возможность инвесторам перестраивать старинные здания, превращая их в коммерческую недвижимость» (rn.ru).

Третий дискурс — градозащитников: наиболее радикальный и активный; выступает за сохранение наследия. Градозащитники считают, что первый дискурс не справляется с задачей сохранения и иногда способствует разрушению. Градозащитники — как представители НГО, СМИ, некоторые депутаты, так и неравнодушные петербуржцы, пристально следящие за трансформациями исторического центра, инициирующие расследования и проверки, митинги и общественные акции, контролирующие первый дискурс. Своими противниками и «антигруппами» (по Б. Латуру) считают губернатора, застройщиков и чиновников. Выстраивают границы своей группы, отказывая антигруппам в «компетентности», «духовности», «любви к наследию», «честности».

ВНИИБ в опасности! Беглов ради прибыли уничтожает исторические здания (News-poster.ru).

Главу КГИОП посчитали далеким от охраны памятников архитектуры Петербурга (nw24.ru).

В Петербурге могут разрешить снос исторических зданий ради строительства ВСМ (piter-news.net).

Снос любит тишину: в Петербурге без ведома общественности рушат здание XIX века (<https://russian.city/spb/>).

Почти три года борьбы градозащитников за старинные корпуса все же не уберегли бывший памятник культуры. <...> Депутат ЗакСа Борис Вишневецкий на прошлой неделе направил обращение губернатору Александру Беглову с просьбой дать указание КГИОП приостановить действие их разрешения на проведение работ и Госстройнадзору — о приостановлении действия разрешения на строительство» (mr-7.ru).

Четвертый дискурс — «креативного города» и «креативного класса»: продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях.

Объектами данного дискурса являются инновационные проекты в сфере культуры, инклюзии, сотрудничества, экологии, реставрации и т.д., биоэкоурбанистика, креативный, ландшафтный, «хипстерский» урбанизм. Позицию говорящих субъектов от имени дискурса занимают идеологи проектов креативного города и их спонсоры.

Редакция «Собака.ру» ежегодно отмечает самые резонансные урбанистические проекты премией «Петербург будущего». На юбилейном (пятом!) гала-ужине в «Астории» мы наградили активистов, критиков, дизай-

неров, кураторов, реставраторов, архитекторов и социально ответственных бизнесменов — тех, кто за прошедший год приблизил Петербург к будущему (СПб.Собака.ru).

Пятый дискурс — архитектурного производства и экспертизы: здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства.

Петербургские реставраторы исследовали состояние склепа Александра фон Бекмана (srsfb.ru).

В Ковенском переулке восстановят уникальную мозаику советской эпохи (78.ru).

Шестой дискурс — вещей и наследия как такового: говорит через экспертов, историков и хранителей, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. В заголовках и текстах СМИ наследие выступает как пассивный объект, лишенный агентности. Однако согласно акторно-сетевой теории именно места и вещи направляют практики, наделяют ответственностью, выступают в качестве публичных обременений, возлагаемых на владельцев объектов культурных наследий, и приводят в движение изучаемые нами дискурсы.

Уничтожение предприятия отрицательно повлияло не только на историко-культурную составляющую, но и повлекло снижение деловой активности в городе, нарушение инфраструктуры агломерации. Возрождение заводской территории с учетом исторической составляющей предполагает стратегию реновации и оптимальный выбор функционального назначения, что позволит не только сохранить ценный архитектурный ансамбль, но и за счет притяжения трудовых ресурсов и туристических потоков сделать из Сестрорецка одну из опорных точек Санкт-Петербургской агломерации [27].

Дом Никонова отреставрируют на улице Достоевского (78.ru).

Антресольный молельный зал в Соборной мечети отреставрируют в 2022 (dp.ru).

Седьмой дискурс — молодых горожан, поколения Z: в текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодежной интерпретацией города, наследия и досуговых практик.

Склеп на лютеранском кладбище, где фанаты «Брата» жгли костры, ждет реставрация. Деньги собрала студентка СПбГУ (sanktpeterburg.bezformata.com).

Петербуржцы с помощью флешмоба выразили свое мнение о работе КГИОП (Xoroshiy.ru).

Немецкие социологи-урбанисты Х. Оверманн и Г. Миг предлагают эпистемологические системы / диспозитивы определять через дискурсивные / групповые понятия (концепции), цели, базовые предположения / допущения и значения (ценности) [34]. Мы к данным составляющим добавляем повторяющиеся поддерживающие идентичность действия (практики), компетенции, аффекты, идентичность и миссию.

1. Концепции, как, например, «сохранение путем адаптивного повторного использования» для 2-го и 4-го дискурсов, составляют концептуальную инфраструктуру в каждом дискурсе.

2. Цели выражают планы на будущее, например «сохранение исторического кода города» для 1-го и 6-го дискурсов. Цели подразумевают основные предположения и ценности и подтверждают их на будущее.

3. Основные предположения или допущения являются красной нитью всех дискурсивных практик данного дискурса. Так, например, несовершенные трактовки закона по 2-му дискурсу допускают игнорирование обременений, налагаемых наследием.

4. Ценности, например «подлинность», «культура», «эстетика и красота» (наиболее значимая ценность для 4-го и 7-го дискурсов), являются окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка. Предположения, концепции и цели определяются ценностями в форме выверенных языковых клише, что выступает средством легитимации дискурсов. Например, КГИОП транслирует название объекта всемирного наследия всегда полностью (необходимо выучить наизусть).

5. Идентичности мы рассматриваем как перформативные, базирующиеся на действиях и высказываниях, меняющих ситуацию, то есть подразумевающие аутентичную самопрезентацию, осмысленные действия в среде в соответствии с определенными способностями, навыками, предпочтениями и ради определенной миссии; идентичности эмоционально окрашены в качестве осуществляющих интерпретацию действия, вовлекающих вещи и людей в эти порядки интерпретации с помощью эмоционального напряжения. Так, представители доминирующего дискурса осуществляют действия по защите исторического наследия на территории объекта всемирного наследия, обладают экспертным знанием, властью и желанием реализовывать свою миссию ради сохранения наследия для потомков и для мировой общественности по правилам ЮНЕСКО.

Мы реконструировали из СМИ дискурсивные практики акторов семи дискурсов, чтобы выделить подгруппы интересов в общем, негомогенном дискурсе о наследии. Выделили и рассмотрели девять переменных диспозитивов дискурса о наследии, которые находятся в ситуации конфронтации и антагонизма. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга не может быть однозначной. Артикуляция интересов, целей и ценностей подгрупп приведет к более ясному распределению в теоретической перспективе, аутентичной идентификации и осознанному выбору практик

и политик. Отчетливо проявился конфликт ценностей поколений (представители консервативной политики vs креативный урбанизм и поколение Z), что необходимо скорректировать образовательными и информационными стратегиями.

Дискурс-аналитики Э. Лакло и Ш. Муфф в начале карьеры писали, что дискурсы находятся в ситуации постоянной конфронтации. Позже они сформулировали концепцию агонизма, который противопоставлен антагонистическому подходу и настаивает на том, что конфликт остается объектом взаимоуважительного диалога. Предполагаем, что эти два подхода к политике городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга и представляют собой две различных стратегии в рамках политики идентичности, в том числе в информационном освещении в СМИ. Представляется, что осознание и артикуляция семи выявленных дискурсов (+ два: дискурс ЮНЕСКО и дискурс обременения) могут привести к культуре агонизма, но основной антагонизм, на наш взгляд, убирать нежелательно. Мы солидарны с мнением Славоя Жижека, который отмечает, что «новизна теории Лакло – Муфф заключается в концептуальном сходстве понятия Реального у Жака Лакана с понятием антагонизма у Лакло – Муфф и в возможности его использования для изучения общества и идеологии» [35, р. 249]. Жижек трактует политический проект Лакло – Муфф как основанный на «этике Реального» – этике столкновения субъекта с собственной неполноценностью, которая не может быть изменена в принципе.

Такое этическое представление антагонизмов позволяет систематизировать лингвистические маркеры символических стратегий из анализируемых СМИ, воспользовавшись стратегиями оперирования идеологии, предложенными Дж. Томпсоном [36] и выявленными на основе акторно-сетевой теории Б. Латура стратегиями группообразования (табл.). Эта систематизация позволяет наглядно представить действующие стратегии артикуляции идеологии, идентичности и политики.

**Маркеры символической политики и идеологии с примерами
из исследуемых дискурсов, воспроизводимых посредством текстов СМИ**

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
<i>Дж. Томпсон</i>		
Легитимация	Рационализация. Универсализация. Нарративизация	Апеллирование к закону. Всеобщая ценность – сохранение наследия, «за это пережили блокаду». Апеллирование к авторитетам, литературе, искусству, историям и традициям города, «Петербуржскому тексту», «коду города»

Продолжение табл.

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
Сокрытие	Замещение. Эвфемизация. Метафоризация. Троп	Это, например, оправдания тех, кто рушит наследие (дискурс 2) за счет отрицания, затемнения, отвлечения внимания от реально существующих процессов и явлений: «происходит не снос, а реконструкция здания в соответствии с выданным разрешением», «ведется разбор аварийных участков и поздних пристроек XX века»; «Разбор происходит с сохранением материалов для их повторного использования (кирпичи, колонны). При этом фасадная стена, являющаяся исторической, разборке не подлежит», — цитировало издание пресс-службу «Максидома», разрушающего здание ⁴
Унификация	Стандартизация. Символизация единства	Тезис, что «каждый житель Санкт-Петербурга должен любить свою историю, наследие, руины». Это не так для мигрантов и молодого поколения. Символизация единства через памятные даты, праздники, «Петербургский текст»
Фрагментация	Дифференциация. Исключение	Наиболее значимыми характеристиками дифференциации дискурсов являются ценности, компетенции и миссия
Реификация	Натурализация. Погружение во вне-временное состояние. Номинализация / пассивизация	Лингвистический анализ текстов СМИ о наследии, некоторых документов и статей вовлеченных комитетов показал, что почти все они написаны с использованием данных стратегий реификации, что позиционирует дискурс о наследии в целом как вневременной для города и идентичности, подразумевая, что его невозможно избежать, игнорировать, поскольку он накладывает обременение (6-й дискурс)
<i>Б. Латур</i>		
Сборка группы	Слияние, интеграция, союз, лояльность, традиция, развитие, приверженность, разделительные линии	Примеры сборки группы находим во всех дискурсах: например, преемственность учеников, поколений, передача традиций реставрации, строительства, разделяемые идеи, ценности и практики

⁴ НеВинный городок. URL: <https://mr-7.ru/articles/241685/> (дата обращения: 11.07.2022).

Окончание табл.

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
Разъединение группы	Исключение, натурализация, дифференциация, самоисключение, оппозиция, дискуссия, конфликт, обвинения, маргинальность, границы, раскол	Конфронтация доминирующему дискурсу. Отказ в компетентности. Доминирующий дискурс сохранения конфронтирует с дискурсом развития города и отчасти с креативным кластером. С перечисленными дискурсами конфронтирует дискурс градозащитников. Молодежный дискурс иногда выступает и как градозащитный дискурс, и как дискурс креативного урбанизма

81

Данная таблица позволяет систематизировать нарративные и другие дискурсивные стратегии с точки зрения их роли в пересборке системы (сети). При этом каждый актор преследует свою цель и решает несколько задач (столбец 2), сама общая конфигурация данного состояния системы (столбец 1) определяет характеристику осуществленной пересборки (столбец 3). Тем самым трехсторонняя модель трансформации может быть представлена наглядно в поддающихся верификации результатах.

Список литературы

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Политическая культура и политическая социализация // Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 156–186.
2. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. Т. 3, №77. С. 14–58.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
5. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Т. 1, №2. С. 137–150.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
7. Ветренко И.А., Дубицкий В.В. Государственная языковая политика в контексте формирования политической идентичности граждан // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. №3. С. 368–374.
8. Горбачева Е.Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. №3. С. 102–106.
9. Грязнова Ю.Б. Перформативные тексты в методологии науки : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.

10. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
11. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. №2. С. 253–260.
12. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. №4. С. 75–89.
13. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М., 2017.
14. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
15. Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М., 2018.
16. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2014.
17. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. №4 (87). С. 6–22.
18. Марков А. В. Критическая теория. М., 2021.
19. Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник ВолГАСУ. 2012. №1. С. 49–59.
20. Сосновская А. М. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3994923 (дата обращения: 16.04.2022).
21. Сосновская А. М., Михайлов А. В., Орлова О. Ю. Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. №2 (110). С. 88–99.
22. Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Трансформация идентичности: макро- и микроуровни исследования // Управленческое консультирование. 2021. №11 (155). С. 122–132.
23. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М., 2013.
24. Тюпа В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. №3 (42). С. 40–51.
25. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. №2. С. 35–40.
26. Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М., 2018.
27. Штиглиц М. С., Лаврухин А. Н. К вопросу об историко-культурном потенциале Санкт-Петербургской агломерации. На примере Сестрорецкого оружейного завода // Недвижимость: экономика, управление. 2019. №2. С. 61–66.
28. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.; СПб., 2012.
29. Berger A. A. Media and Communication Research Methods: An Introduction to Qualitative and Quantitative Approaches. Los Angeles, 2014.
30. Fiske J., Jenkins H., Becker R. Television Culture. L., 2011.
31. Hall S. Old and New Identities, Old and New Ethnicities // Culture, Globalization, and the World System / A. D. King (ed.). L., 1991. P. 41–68.
32. Hall S., Evans J., Nixon S. Representation: Cultural Representation and Signifying Practices. L., 2013.
33. Mouffe C. The Democratic Paradox. L., 2009.

34. *Oevermann H., Mieg H.* Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. 2015. Vol. 9, №1. P. 54–64.

35. *Žižek S.* Beyond Discourse Analysis // *New Reflections on the Revolution of Our Time* / E. Laclau (ed.). L., 1990. P. 249–260.

Об авторе

Анна Михайловна Сосновская — канд. филол. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.

E-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru

The author

Dr Anna M. Sosnovskaya, North-West Institute of management RANEPa, Russia.

E-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru